Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 15. издания годъ XVI.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ", КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

9 Апрѣля 1894 г. № 15.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17. Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

— Что же, онъ обѣщалъ сдѣлать весенній туалетъ?
— И не думаетъ... Такая дрянь, такой скряга!.. Еще, говоритъ, погода можетъ перемѣниться... Каково?
— Ну, скажите.. совсѣмъ преклонный старецъ, и такой *непреклонный* человѣкъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Весна невольно погрузила насъ въ поэтическія грезы...

Съ одной стороны кайгородовскіе бюллетени о „воронахъ, парящихъ на подобіе орловъ"; съ другой—блестящее, какъ новой чеканки полуимперіалъ, солнце и грохотъ извозчичьихъ дрожекъ...

Наконецъ, Нева, сбросившая свои оковы и свободно несущая въ заливъ голубыя волны, тамъ и сямъ перерѣзываемыя яликами и финляндскими пароходиками.

Все это, несомнѣнно, говоритъ о приходѣ весны, и мы декламируемъ строчки поэта Минаева:

И вотъ прилетѣвшая вновь
Обоихъ весна одарила:
Одной—и цвѣты, и любовь,
Другому—цвѣты и могила.

„Цвѣты и любовь",—это намъ съ вами, дорогой читатель...

А потому,—да здравствуетъ весна!

* * *

Юбилейно-литературно-обѣденный инцидентъ.

Инцидентъ съ извѣстнымъ критикомъ Бердичевскимъ (псевдонимъ).

Мѣсто дѣйствія—ресторанъ „Медвѣдь".

Эпоха—времена чествованія критика г. Скабичевскаго.

Г-нъ Скабичевскій очень скучный критикъ.

Такой скучный критикъ, что въ дни выхода въ свѣтъ его фельетоновъ, даже въ лѣтніе дни, не замѣтно въ городѣ мухъ.

Онѣ всѣ дохнутъ.

И юбилей бы его прошелъ не веселѣе его фельетоновъ. При чемъ роли мухъ пришлось взять на себя гг. почитателямъ.

Но, какъ deus ex machina, явился критикъ Бердичевскій (псевдонимъ) а вмѣстѣ съ нимъ явился и „инцидентъ".

Критика Бердичевскаго (псевдонимъ) не пустили въ зало и выпроводили вонъ; а инцидентъ остался.

И вотъ теперь возятся съ этимъ „инцидентомъ", который, по нашему глубокому убѣжденію, былъ произведенъ только ради развлеченія и въ огражденіе отъ снотворности критиканскаго юбилея.

* * *

Фердинандъ Кобургскій въ сильномъ горѣ:

Его *тесть* тяжело раненъ въ руку оленемъ!

Глупое животное напало на тестюшку въ замкѣ Шварцау.

Фердинандъ ужасно опечаленъ.

— Чортъ возьми! говоритъ онъ,—идіотскій олень! Бросился на тестя! Неужели онъ не могъ забодать мою *тещу*!!

Увы! Тещи неуязвимы!..

* * *

Финансы Сербіи въ печальномъ состояніи.

Военнымъ и чиновникамъ жалованье не платится, какъ какимъ-нибудь актерамъ частной антрепризы.

При дворѣ вмѣсто шампанскаго пьютъ лимонадъ-газесъ и швейцарскій сыръ замѣненъ мещерскимъ.

Для исправленія дѣлъ, Миланъ Обреновичъ купилъ у Генриха Блокка въ разсрочку билетъ внутренняго займа.

Вся надежда на 1-е Мая и на розыгрышъ.

— Авось! говоритъ Миланъ.—Лучше еще билетъ куплю въ разсрочку, а ужъ не помирюсь съ радикалами!

* * *

Гинсбургу подносится золотой жетонъ.

Во-первыхъ, господа, не подумайте, что рѣчь идетъ о Раулѣ Гинсбургѣ... Нѣтъ! Мы говоримъ о сынѣ Горація Гинсбурга.

Разница между ними большая:

Одинъ — баронъ; другой — антрепренеръ. Одинъ—еврей, другой—самаво настоящево французъ. Одинъ—строилъ синагогу, другой—воздушные замки.

Поэтому Рауль Гинсбургъ здѣсь не при чемъ.

А жетонъ подносится евреями-ремесленниками своему барону.

Одни евреи-ремесленники, разные Каценеленбогены и Айзики, работали этотъ жетонъ.

Другіе евреи-ремесленники, всякіе Минскіе, Льдовы и пр., слагали патріотическія вирши.

Торжество выйдетъ на славу.

Самъ Абрамъ Лейфертъ даже останется доволенъ...

* * *

Амосъ Коменскій сказалъ:

„Дѣти, какъ обезьянки, что они видятъ, тому охотно подражаютъ".

Имѣлъ ли въ виду великій педагогъ „взрослыхъ дѣтей"—не знаемъ. Но что страсть „перенимать" у людей развита,—это неоспоримо...

„Когда съ умомъ перенимать, тогда не худо"... говоритъ дѣдушка Крыловъ.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи небольшой замѣтки въ газетахъ о поѣздкѣ

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

ПО ПОВОДУ АУКЦІОНА М. Г. СУХОРОВСКАГО.

М. Г. СУХОРОВСКІЙ.

— Вандалы, внимайте, плевательница Александра Македонскаго—три рубля! кто больше?

Хоръ маклаковъ.—Пять копѣекъ!.. пять копѣекъ!..

Хоръ натурщицъ.—Какъ хорошо, что аукціонъ происходитъ не въ Стамбулѣ, а то великій художникъ, въ порывѣ вдохновенія, и насъ продалъ бы какъ эту плевательницу.

„директора (?!)“ Аркадіи Д. А. Полякова за границу!!

Добродушный господинъ...

Онъ слыхалъ, какъ другіе „директора“ путешествуютъ по „заграничнымъ Америкамъ“, набирая артистовъ.

Вспомнилъ даже, что Бочаговъ два раза по Европамъ ѣздилъ.

И рѣшилъ ѣхать тоже.

Но только что пріѣхалъ въ Парижъ, какъ услыхалъ про взрывъ въ улицѣ Кондэ, и тотчасъ же вернулся домой въ Новую деревню.

— Еще убьютъ тамъ! рѣшилъ онъ.—Ну ее и съ труппой!

„Директоръ“, боящійся взрывовъ и пострадавшій отъ парижскихъ анархистовъ.

Вотъ любопытный № лѣтней садовой программы!

* *
*

Великопостный сезонъ закончился.

Въ Дворянскомъ собраніи *погибъ* Фаустъ.

Въ Кредитномъ—*отпѣли* сами себя цыгане.

Ванъ-Дикъ всѣмъ кланяется.

У всѣхъ петербуржцевъ отдавлены бока и мозоли „на вербахъ“.

Съ преддверіемъ праздника.

Шутъ 2-й.

Къ птичьей выставкѣ.

I

Завидя кой-какихъ „персонъ“
Средь посѣтителей, мечтается:
Вонъ *голубь* въ клѣтку заключенъ,
Свободой *коршунъ* наслаждается...

II

— „Гдѣ же *гуси*? Здѣсь ихъ нѣтъ?“
Я спросилъ, шагая мѣрно...
И послышалось въ отвѣтъ:
„Есть, но въ публикѣ навѣрно“.

Отгадай меня.

Софистъ.

— Представь, онъ ухаживаетъ одновременно за двумя женщинами: за Софьей Сергѣевной и за Софьей Ивановной.

— Скажите! Какой онъ, однако, *софистъ*!

Гулл.

Телеграммы.

Вѣна.—Клима, узнавъ о приговорѣ с.-петербургскаго коммерческаго суда, влѣзъ въ рогожный куль съ надписью „обращаться осторожно“ и велѣлъ сдать себя въ товарный вагонъ для отправки въ Гамбургъ.

Константинополь.—Въ турецкомъ государственномъ строѣ настала эпоха великихъ реформъ: Чубукъ-паша перемѣщенъ на мѣсто Кальянъ-паши, а Кальянъ-паша—на мѣсто Чубукъ-паши. По этому поводу Караулъ-паша цѣлый день билъ въ турецкій барабанъ.

Тегеранъ.—Въ Мешхедѣ произошли безпорядки; мѣстные начальники въ горѣ разорвали свои хламиды и посыпали „главы“ персидскимъ порошкомъ.

Берлинъ.—Слухи о производствѣ Каприви въ Бисмарки пока еще преждевременны.

Бѣлградъ.—Народный листокъ „Paгепаја гера“ извѣщаетъ почтеннѣйшую публику, что кормленіе Милана производится съ 7-ми час. утра до 10-ти вечера ежедневно. Миланъ чавкаетъ до того громко, что въ Парижѣ слышно.

На фотографической выставкѣ.

I

Восторгъ отъ публики не спрятавъ,
Я отъ него былъ полунѣмъ;
Среди богатства экспонатовъ
Въ концѣ я спутался совсѣмъ.
И, прибѣжавши въ „Пекинъ“ *), хмурый,
Лакея я сразилъ, спросивъ:
Налей-ка мнѣ фото-гравюры,
Дай, на закуску, негативъ.

II

Всю „злобу“ жизненнаго рынка,
Въ движеньи вѣчной суеты,
Какъ негативная пластинка,
Воспринимаешь, сплетникъ, ты.
Но лишь сказать необходимо,—
Ты только въ этомъ съ нею схожъ:
Та—сохранитъ все невредимо,
А ты—безстыдно переврешь.

Юнк. Тесаковъ.

*) Буфета на выставкѣ нѣтъ, а жаждущіе отправляются въ ресторанъ «Старый Пекинъ».

A propos.

На фотографической выставкѣ.

— Что за роскошные портреты! Вотъ это фотографъ!

— Ну, это, пожалуй, ужъ не фотографъ, а фотокнязь.

—

— На чемъ эти снимки дѣлаются?

— На тонкомъ слоѣ хлоро-бромистаго серебра.

— Такъ-съ. А съ богатыхъ-то людей, вѣроятно, ужъ на золотѣ снимаютъ?

—

— Вы тоже экспонируете?

— Чего-съ?

— Я спрашиваю: вы тоже выставили что-нибудь?

— Зимнія рамы сегодня выставилъ, потому—теплынь.

Первое апрѣля.

Это—день особый... Пробудися, враль!
Ври усердно, звонко!.. Ври,—вранья не жаль!
Моралисты, сыпать громы для чего вамъ:
Разъ въ году быть можетъ каждый Хлестаковымъ,—
Отъ того не будетъ въ мірѣ больше зла.
Въ этотъ день,—апрѣля перваго числа
Сразу сталъ богатымъ каждый нищій бардъ,
Намъ открыла дума городской ломбардъ,
Шуллера исчезли; изъ лимоновъ рощи
Выросли на Невскомъ; стали кротки тещи;
„Панамистовъ“ хищныхъ (вѣрьте, господа!)
Перваго апрѣля скрылася орда.
Позабылъ купчина про любовь къ гнилью,
Написалъ князь—Точка дѣльную статью,
Много просвѣщенныхъ мыслей въ ней разсѣявъ;
Смотритъ умиленно даже Менделѣевъ:
Съ Вагнеромъ навѣки дружба процвѣла
Въ пятницу, апрѣля перваго числа.

Юнк. Тесаковъ.

«Сѣверный» критикъ Волынскій.

Что ему Тургеневъ,
Что ему Бѣлинскій,
Если самъ онъ Нухимъ
Лейбовичъ Волынскій?!

Пьеръ Гіацинтовъ.

Не-дѣльные наброски.

Кругомъ „ароматы“ весны.

Даже изъ подъѣзда ресторана Палкина пахнетъ почками—соусъ мадера.

По улицамъ столбами ходитъ пыль, вереницами бѣгаютъ собачки, въ Лѣтнемъ саду штабные писаря устраиваютъ декларации магазюткамъ, вырвавшимся подышать свѣжимъ воздухомъ.

Вѣетъ холодомъ отъ ладожскаго льда, запрудившаго Неву послѣдніе дни, и благодаря которому приходится веселящемуся Петербургу колесить черезъ Васильевскій островъ, Тучковъ мостъ и т. д., чтобы попасть на „пуантъ“, къ Фелисьену, въ „Аркадію“ etc...

*
* *

Въ нашихъ увеселительныхъ уголкахъ идетъ усиленная чистка, обмундировка и экипировка:

Навѣшиваются флаги, расширяются буфеты, изобрѣтаются удивительныя настойки, долженствующія доставить славу буфетчикамъ и капиталъ владѣльцамъ нашихъ „Монрепо“ и „Эльдорадо“.

На Громовской дачѣ пристраиваютъ новый ресторанъ.

Поляковъ, только что вернувшійся изъ Парижа съ французенками, устраиваетъ въ „Аркадіи“ кафе-шантанъ—конечную цѣль всѣхъ антрепренеровъ.

Въ „Ливадіи“ еще пока по дорожкамъ бродятъ волки.

Въ „Аквариумѣ“, гдѣ до сего времени не было ни воды, ни рыбы, но былъ Рауль Гинсбургъ, отнынѣ будетъ вода и рыба—но не будетъ Гинсбурга.

На Крестовскомъ поваръ изобрѣлъ „салатъ-монстръ“, но „содержаніе“ этого „салата“ еще не разоблачено.

Объ остальныхъ „заведеніяхъ“ не стоитъ и говорить—пиво, пиво и пиво!

*
* *

Открылась фотографическая выставка безъ шума, и, по всей вѣроятности, такъ же скромно и закроется.

Для спеціалистовъ она представляетъ интересъ, но обычному столичному посѣтителю выставокъ черезъ четверть часа становится грустно.

Нѣтъ ни буфета, ни музыки, ни сцены съ куплетистами и шансонеточными пѣвицами, нѣтъ столиковъ, за которыми съ кружкой „свѣтлаго пильзенскаго“ или „старой баваріи“ вы бы могли распѣвать цыганскіе романсы или подпѣвать тиролькамъ, какъ принято въ Зоологическомъ саду.

Фотографическія витрины положительно не имѣютъ успѣха, и не будь фотографовъ-любителей, готовыхъ и снимать и любоваться на свою карточку, на фотографической выставкѣ было бы такъ пусто, какъ въ Панаевскомъ театрѣ въ настоящій сезонъ.

Г. Гинтеръ, владѣлецъ этого театра, съ душевнымъ прискорбіемъ приступилъ къ сломкѣ пресловутаго „Панаевскаго колодца“.

Театръ рѣшено передѣлать на частныя квартиры.

*
* *

Со Святой недѣли, въ Михайловскомъ и Александринскомъ театрахъ возобновляются русскіе драматическіе спектакли.

Однимъ изъ первыхъ спектаклей будетъ бенефисъ двадцати двухъ артистовъ, получающихъ ограниченное содержаніе.

На предложеніе дирекціи выбрать пьесу для своего бенефиса, эти скромные труженики, послѣ предварительныхъ дебатовъ, выбрали драму „Нищіе духомъ“.

Что это, аллегорія—или вопль двадцати двухъ голосовъ, получающихъ „ограниченное“ содержаніе?

*
* *

У одной баронессы, проживающей по Екатерининскому каналу, систематично пропадали драгоцѣнныя вещи.

Такое явленіе весьма обыкновенно, и не стоило

— Какая разница между умной и глупой женщиной!
— Глупая женщина принимаетъ все за чистую монету, а умная женщина—принимаетъ за все чистую монету.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

TÊTE A TÊTE.

— Ты знаешь, какъ я тебя люблю, и потому я не хотѣлъ бы чтобы ты голодала со мной... а потому я хочу знать—какое приданое?

— Домъ въ Пензѣ и дача въ прелестномъ лѣсу... Но ты говорилъ, что у тебя у самого имѣніе въ Саратовѣ?

— Н-да... имѣніе; земля и скотъ, почемъ я знаю!

ПОСЛѢ СВАДЬБЫ.

Онъ.—Ну-съ, какъ же я теперь ей скажу, что у меня никакого имѣнія въ Саратовѣ нѣтъ, и что я ее надулъ, мою пензенскую домовладѣлицу съ дачей въ прелестномъ лѣсу.

Она.—Бѣдняжка саратовскій помѣщикъ и не подозрѣваетъ, что у меня въ Пензѣ вмѣсто дома и дачи двое дѣтей.

ВЕСНА ИДЕТЪ!

(Подслушанные разговоры).

— Весна, весна... сколько надеждъ, сколько упованій!

— На кого же ты „уповаешь“, Зина?

— На весну.

— А сколько у тебя приданаго?

— Ни копейки.

— Ну, такъ перемѣнимъ лучше разговоръ, ma chère.

Два молодыхъ человѣка, у Доминика.

— Володя, радъ веснѣ?

— Очень. Просто въ восторгѣ!

— Чѣмъ же тутъ восторгаться?

— Какъ чѣмъ? Во-первыхъ—есть случай выписаться уѣхавшимъ на дачу... отъ кредиторовъ...

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ—можно пристроиться къ какой-нибудь особѣ, у которой по веснѣ начинаютъ разыгрываться „сердечныя эмоціи“.

Барышня немолодая и кавалеръ изъ пшюттовъ.

— Петръ Павловичъ, неужели на васъ не дѣйствуетъ благотворно весна?

— О, весна—дѣйствуетъ очень, очень благотворно!

— Что же вы при этомъ *ощущаете*, Петръ Павловичъ.

— *Пятьдесятъ рублей ощущаю* въ карманѣ: вчера заложилъ шубу!

Двѣ подруги бесѣдуютъ по душѣ.

— Ахъ, Мари, если бы ты только могла понять, чего жаждетъ мое сердце!

— Могу понять: твое сердце жаждетъ замужества.

— Да, но при какихъ обстоятельствахъ...

— И это знаю: тебѣ хочется мужа красиваго, богатаго, умнаго и съ положеніемъ.

— Лиза! да ты просто геній! откуда ты все угадала?

Брилль.

РАННІЙ ДАЧНИКЪ.

(Идиллія).

— Иванъ Ивановичъ! Чего ради вы съ этихъ поръ на дачу забрались?

— Помилуйте, да теперь только и блаженство у насъ на дачахъ!..

— Почему?

— Кабаки еще не открылись, сосѣдей съ музыкальными инструментами нѣтъ, бенефиціанты съ билетами не лѣзутъ, кредиторы еще адреса не знаютъ, разносчики не кричатъ...

— Но вѣдь холодно?

— И это хорошо—гости не лѣзутъ. Мы съ женой просто блаженствуемъ!

ВЕРБНЫЕ СИЛУЭТЫ.

I

Толстощекій и румяный,
Видомъ—плотенъ, нравомъ—грубъ,
Этотъ франтъ толстокарманный
Неразвитъ, докученъ, глупъ.
Пьетъ коньякъ онъ, словно воду,
Склоненъ къ выходкамъ дряннымъ,
И пошлѣетъ, годъ отъ году,
Этотъ *вербный херувимъ*.

II

Кутежами чрезвычайно
Развлекаться любитъ онъ
И ревизіей случайной
Только можетъ быть смущенъ.
Съ нимъ милы весьма цыганки,
Есть въ его порывахъ ширь,
Но въ грядущемъ *чортикъ въ банкѣ*
Видитъ хладную Сибирь.

Кудрявый сатирикъ.

ДОСАДНАЯ ОГОВОРКА.

Профессоръ зоологіи. Милостивые государи! какъ извѣстно, человѣкъ отличается отъ животныхъ тѣмъ, что онъ обладаетъ способностью говорить. Такъ напримѣръ, оселъ не можетъ о себѣ сказать: „я оселъ“,—это можетъ сказать о себѣ только человѣкъ...

С—ъ.

МОНОЛОГЪ ХУДОЖНИКА.

— Говорятъ, что у меня въ картинѣ взятъ слишкомъ *холодный* тонъ! О, профаны! Я *потълъ-потълъ* надъ этой картиной, а они говорятъ: *холодный* тонъ! Вѣдь это же, честное слово, нелѣпость!.. Или, вотъ, говорятъ, что у одной фигуры ноги втрое длиннѣе, чѣмъ корпусъ! Что жъ тутъ удивительнаго? Мало ли какихъ уродовъ-людей родится на свѣтѣ!.. Насчетъ компановки меня упрекаютъ... Будто у меня компановки нѣтъ!.. А вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, эту картину, въ сущности, не я вовсе, а Ванъ-деръ-Верфъ скомпановалъ!.. А они меня упрекаютъ, что я компановать не умѣю! О, кррритика!

Гулливеръ.

ГРИБНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

Разговариваютъ двѣ молодыя купчихи.

— Отчего нѣтъ въ посту свѣжихъ грибовъ?

— Помилуйте, да откуда же ихъ взять зимой!

— А напримѣръ, изъ Ниццы изъ этой самой? Привозятъ же оттуда зимою свѣжія фіалки... Вѣдь, навѣрное, тамъ и грибы растутъ...

КТО БОЛЬШЕ?

(Аспазія нашихъ дней).

Раннее утро. Ида Карловна только что встала съ постели. Вчера произошла большая непріятность — она окончательно рассорилась со своимъ старикашкой барономъ Грифель, и теперь мечты о поѣздкѣ за границу, или по крайней мѣрѣ на югъ Россіи, должны были разлетѣться прахомъ.

Она только что хотѣла было принять ванну, какъ раздался звонокъ, и въ передней послышались голоса:

— Барыня принимаетъ... начала было горничная, но мужской голосъ прервалъ:

— Принимаетъ? И отлично! Докладывать не нужно, что за китайскія церемоніи!

— Володька! воскликнула Ида Карловна полушутя, полусердито, видя вбѣжавшаго въ будуаръ опереточнаго актера Фарсикова.—Какъ ты смѣешь?

— Аспазіи нашихъ дней!.. Не сердись на меня, Аспазія Мессалиновна, я узналъ вчера, что бы о немъ упоминать, если бы пользовался вещами простой смертный; но въ данномъ случаѣ было установлено, что вещи воровалъ духъ, настоящій безтѣлесный духъ въ кисейномъ капотѣ на флюидовой подкладкѣ, — по крайней мѣрѣ такъ заявилъ лакей баронессы, очевидецъ ночныхъ посѣщеній мертвеца.

Такой поклепъ на корпорацію духовъ возмутилъ старшаго буфетчика, и при содѣйствіи электротехника буфетъ, шифоньерки и столы были соединены проволоками.

Ночью послышались звонки.

Передъ вбѣжавшимъ буфетчикомъ упалъ на колѣни лакей и принесъ повинную.

Настоящій случай сообщаемъ для гг. спиритовъ Прибыткова, Вагнера и другихъ, а также для гг. водевилистовъ, въ родѣ г-на Мясницкаго.

* *
*

Въ камерѣ мирового судьи 8-го участка разыгралась комическая сценка.

Нѣкій богатый домовладѣлецъ выселялъ бѣдняка квартиранта и взыскивалъ съ него три рубля. Факты налицо, и мировой судья постановилъ рѣшеніе о взысканіи и о выселеніи. Бѣднякъ плачетъ, домовладѣлецъ сіяетъ.

— Итакъ, я могу получить исполнительный листъ на 3 рубля? протягивая руку, говоритъ выигравшій искъ домовладѣлецъ.

— Да, конечно; но прежде слѣдуетъ получить причитающійся съ васъ штрафъ, въ размѣрѣ двадцати рублей, за вашу забывчивость оплачивать росписки гербовымъ сборомъ.

Картина.

*
* *

Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ портретъ художника М. Г. Сухоревскаго, извѣстнаго автора картины „Нана“.

Среди обычной толпы маклаковъ мелькали знакомыя фигуры петербургской веселящейся „молодежи“, вставными зубами щелкающей при видѣ „набросковъ“ и „подмалевокъ“ пикантнаго художника.

Картинки „вольнаго жанра“ были раскуплены моментально и тотчасъ же унесены своими счастливыми обладателями.

Ожидается нѣсколько „такихъ же“ аукціоновъ у другихъ художниковъ въ виду того, что къ продажѣ веселенькихъ „пейзажей“ препоны не было.

*
* *

Нѣкій владѣлецъ фруктоваго магазина и виннаго погреба въ Милютиномъ ряду потерпѣлъ крушеніе.

Въ Коммерческомъ Судѣ ведутся по этому поводу разговоры.

— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы намъ сообщить... такого-то числа вами было взято на три тысячи вина,—что вы съ нимъ сдѣлали?

— Выпили-съ!.. былъ краткій отвѣтъ несчастнаго банкрота.

*
* *

Макависты въ приказчичьемъ клубѣ ликуютъ побѣду.

Еще одна такая побѣда—и клубъ погибъ.

Въ макао за столомъ играло четверо, но „мазало“ до двадцати человѣкъ.

Однажды трое игроковъ „домазались“ до того, что къ 6-ти часамъ утра остались безъ панталонъ, и счастливый понтеръ увезъ эти непремѣнныя принадлежности туалета изъ клуба прямо въ Александровскій рынокъ. Тогда на общемъ собраніи было рѣшено запретить „мазать“.

Но вотъ, какой-то геніальный макавистъ предложилъ собранію разрѣшить играть за столомъ не четыремъ игрокамъ, какъ прежде, а двѣнадцати.

И собраніе разрѣшило.

Такъ просты иногда великіе вопросы, рѣшить которые скорѣе младенецъ, нежели мудрецъ.

С. Эръ.

ты разсталась со своимъ Грифелемъ, пріѣхалъ тебя предупредить, что сегодня привезу къ тебѣ богатаго купеческаго юнца. Влюбленъ въ тебя, какъ мартовскій котъ!

Въ передней позвонили.

— Ахъ, чортъ возьми, кто-то къ тебѣ... Ну, а *риведерчи*, какъ говорятъ итальянцы. Я сейчасъ привезу моего оболтуса... Приготовься его плѣнить окончательно.

Онъ чмокнулъ ее въ обнаженное плечо, и исчезъ такъ же быстро, какъ явился. Въ передней съ нимъ встрѣтился знакомый армянинъ поставщикъ.

— Нельзя! Нельзя меня видѣть! вскрикнула Ида Карловна, заслышавъ его голосъ.

— Зачэмъ низза, когда ужъ мы видимъ? Харушій, абстаятылный чилавэкъ видыть нэ хочышь, я шарлатанъ-ахтурщикъ сыбѣ пускаишь? Платы деньги-меньги по вэксылъ!

— Ахъ, векселю срокъ вышелъ? Я и забыла... Неужели баронъ не заплатилъ?..

— Онъ хотэлъ платылъ, а типэръ, когда ты ему въ морда начихалъ, за што онъ будытъ платылъ?

— Ахъ!.. Жестокій Кишмишъ Шашлыковичъ! возьми вмѣсто денегъ что-нибудь другое?

— Зачэмъ дразнишься? Наркисъ Карапетычъ минэ зовутъ. Што замэсто деньги-меньги даешь? Какой-такой другой товаръ?

— Мой поцѣлуй!

— Тца-хъ! причмокнулъ армянинъ.—Ухъ, ухъ, ухъ!—большой удаволствій!.. Толки, нэтъ! Нэ въ состаяный — цына очинь балшой!.. Пацилуй харушій штука, а по вэксылъ палтары тыща рублевъ—ищо лучше!

— Армяшка, и больше ничего! Гнусный торгашъ, безъ чувства...

— Ны нада браныться... Чувства у кавказскій чилавэкъ всыгда есть. На такой хорушій дорога дѣвушки стоялъ — типеръ свой щастій лышился. Слушай, мирись опеть со свой Грифилъ...

Раздался звонокъ въ передней.

— Доложи, что купецъ Аховъ и артистъ Фарсиковъ, послышался голосъ.

— Погоди, ты свои деньги по векселю получишь, произнесла Ида Карловна и вышла въ пріемную.

Франтовато одѣтый купчикъ изъ породы саврасовъ, видимо сытно позавтракавшій, былъ на седьмомъ небѣ, когда она протянула ему руку и усадила съ собой рядомъ на диванчикъ въ углу.

— Ида Карловна! заговорилъ представленный Фарсиковымъ Аховъ.—Несравненная купидонша моей души! Встрѣчаючись съ вами въ разныхъ мѣстахъ, я сколько разъ собирался вашему Грифелю лысину горчицей смазать, но изъ уваженія къ вамъ удерживался. Теперича, узнамши, что у васъ съ нимъ разрывъ, я скоропалительно бросился выразить, какой Везувій любовныхъ вулкановъ бушуетъ у меня въ груди. А насчетъ денегъ—не сумлѣвайтесь—удоблетворить васъ можемъ не меньше Грифеля.

Только что хотѣла было Ида Карловна объяснить пылкому поклоннику свои затрудненія, какъ въ передней опять позвонили, и мужской голосъ грубо произнесъ:

— Пусти прочь! и на порогѣ появился пожилой человѣкъ купеческой складки.

— Дяденька! въ ужасѣ воскликнулъ саврасъ, вскакивая съ диванчика бомбой и вылетая въ переднюю.

— Что вамъ угодно? удивилась Ида Карловна, видя незнакомое лицо.

— Деньги по счету за мебель съ васъ получить, отвѣчалъ посѣтитель, доставая подписанный счетъ изъ засаленнаго бумажника, набитаго туго сотенными кредитками.

У Иды Карловны загорѣлись глаза. Она усадила кредитора на то же мѣсто, гдѣ за минуту сидѣлъ его племянникъ, и обворожительно магнитизируя глазами собесѣдника, просила подождать.

— Оно извѣстно, што... Подождать можно, отвѣчалъ размякнувшій купецъ—Только вотъ ежели бы мой племяшъ былъ отшитъ вами отъ себя. У него невѣста сосватана и свадьба готовится на Красной Горкѣ, а вы тутъ съ нимъ антимонію на постномъ маслѣ разводите. Можетъ и свадьба разойтись.

— Мальчишка, и больше ничего... не пущу я его къ себѣ на глаза, если хотите.

— Ой-ли? Вѣрное слово?

— Вотъ вамъ рука моя!

— Батюшки! Что жъ это за ручка?—Бархатъ! Приложиться можно?

И не дожидаясь отвѣта, старикъ, увлеченный обаяніемъ молодой, красивой женщины, впился поцѣлуемъ въ ея изящную, выхоленную и падушенную ручку.

— Кто больше? думала въ эту минуту современная Аспазія.

— Эхъ! Страсть какъ нашего брата дурманитъ женское сословіе при тѣлесномъ великолѣпіи фасона... Барыня-сударыня! Квиты будемъ за мебель, ежели въ шею выставите племяша, а потомъ, потомъ...

Онъ вскочилъ съ дивана.

— Потомъ всю новую обстановку вамъ подарю, и сюда, и сюда!

Онъ при этомъ отворилъ двери въ будуаръ, и вытаращилъ глаза, увидя тамъ актера и армянина.

— Э! Да вонъ ихъ тутъ сколько!.. удивленно и разочарованно произнесъ онъ.

Ида Карловна между тѣмъ въ это время разрывала подписанный счетъ.

М. О. Розовъ.

ЦѢНИТЕЛЬ.

— Вы видѣли „Jean Mayeux"? Это интересно... Говорятъ, эта мимодрама производитъ сильное впечатлѣніе.

— Да-съ... замѣчательно сильное. Въ особенности этотъ канканъ во второмъ дѣйствіи... Шикъ-съ... До сихъ поръ не могу забыть...

ОТГОЛОСОКЪ «КРОНШТАДТЪ-ТУЛОНА».

Къ одному богатому франту, на иждивеніи у котораго находятся одновременно и французенка-актриса и русская балетная корифейка, является пріятель и говоритъ:

— Жоржъ, вчера только я узналъ, что у тебя двѣ дамы сердца.

— Такъ что жъ изъ этого?

— Неужели тебѣ одной мало?

— Не мало—это просто мои *франко-русскія* симпатіи.

Иксъ.

СРЕДИ АДВОКАТОВЪ.

— Такъ вы надѣетесь провести это дѣло?

— Да, мнѣ бы только моихъ довѣрителей *провести...*

Карамболь.

За редактора издатель *Р. Голике.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1894 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. 17.